

Къ людямъ слабымъ душою.

Есть люди, и ихъ очень много, что боятся не только говорить, но и слушать правду о жизни. Имъ кажется, что если правда жизни обнаружится во всей своей неприглядности, то отъ этого погибнетъ и сама истина. Происходить это оттого главнымъ образомъ, что люди эти не знаютъ дѣйствительной истины, а знаютъ *свою личную истину, ихъ группу исповѣданія принадлежащую*. Отсюда и слабость ихъ души. Эти люди, къ сожалѣнію, не догадываются, что существуетъ въ мірѣ не только ихъ, групповая или личная, истина, а существуетъ еще также, и даже прежде всего, *истина сама по себѣ, внѣ ихъ группы, или въ группѣ какого-либо исповѣданія вообще, безразлично*. Понимаютъ или не понимаютъ эту истину люди, но она тѣмъ не менѣе существуетъ, и никто и ничто уничтожить ее не можетъ, напримѣръ: существуетъ истина, выраженная въ ученіи Христа. Истина, такъ сказать, Христова. Эту истину должна содержать церковь Христова, или яснѣе: общество послѣдователей ученія Христа. Церковь Христа есть хранительница Христова ученія. Она „*столпъ и утвержденіе истины*“. Но христіанство нынѣ разбилось на множество церквей, или проще: группъ, фракцій. Каждая церковь или группа людей, именующихъ себя христіанами, обольщаетъ себя увѣренностью, что *она-то именно и есть единственная хранительница истины Христа*. Всѣ эти группы христіанства до того самообманываютъ себя этой увѣренностью, что ни за что не хотятъ сознаться, что въ ихъ церквяхъ есть ошибочныя ученія, ученія несогласныя съ истиною, выраженною въ ученіи Христа, а между тѣмъ ясно видится иногда рѣзкое противорѣчіе ученія данной группы христіанства съ ученіемъ Христа. Но этого мало: здѣсь рѣчь идетъ еще о теоріи ученія, о принципахъ его, такъ сказать, о предметахъ довольно отвлеченныхъ и спорныхъ. Поэтому и неудивительно, что люди ихъ защищаютъ. Но удивительно то, что и въ обычной жизни церкви люди, принадлежащіе къ данной церкви, часто не только не хотятъ сознаться въ язвахъ и порочности членовъ своей группы, или въ злоупотребленіяхъ ея вожаковъ—пастырей и учителей, но [они даже убѣжденно вѣрятъ, что если они признаютъ гласно существующіе въ ихъ обществѣ пороки какъ существующіе, то отъ этого погибнетъ и все ихъ общество. Поэтому они не только умышленно закрываютъ глаза на ненормальности церковной жизни, на порочность ея членовъ или вождей, но они еще изъ кожи вонъ лѣзутъ, на изнанку выворачиваются, стараясь защитить эти пороки передъ людьми другой группы христіанства, полагая, что чѣмъ дальше они скроютъ эти пороки отъ иномыслящихъ, тѣмъ больше благополучія получить ихъ церковь. Всѣ церкви христіанскія (въ лицѣ своихъ членовъ) всемѣрно и всегда стремятся показать себя другимъ церквамъ съ своей казовой стороны, стороны болѣе чистой, болѣе приглядной. Онѣ обычно не столько

заботятся объ искорененіи зла въ своей средѣ, сколько о томъ, чтобы какъ можно лучше и подальше спрятать это зло отъ взора другихъ.

Несомнѣнно, и это надо признать, что съ внѣшней стороны, этимъ прятаніемъ, нѣчто достигается: многіе простаки, прельстившіеся внѣшнимъ великолѣпіемъ какой-либо группы христіанства, бросаютъ свою группу и присоединяются къ понравившейся имъ внѣшне. Видимо какъ будто бы достигается успѣхъ этой церковью. Но этотъ успѣхъ очень непрочный. Когда эти присоединившіеся вникнуть потомъ въ суть жизни церкви, въ которую они вошли, то они жестоко разочаровываются и бѣгутъ снова, куда глаза глядятъ. Или же, если и остаются, то невольно, такъ какъ обратиться оттуда бываетъ часто нельзя по существующимъ въ данной странѣ законамъ, покровительствующимъ той церкви.

На этой почвѣ развилась даже безцеремонная облава на простаковъ, чтобы залучить ихъ въ свою группу вѣрующихъ. Еще Христосъ это видѣлъ и порицалъ, говоря: „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, чтобы обратить хоть одного; и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ“ (Мѣ. XXIII. 15). Но это никого не смущаетъ и потому на эти поразительно—мѣткія слова никто не обращаетъ вниманія, и люди съ спокойной совѣстью и съ большой настойчивостью продолжаютъ свое уловленіе простаковъ, совершенно не заботясь о христіанизациі уловляемаго. Это имъ совершенно ненужно: лишь бы взять количествомъ, а не качествомъ. Забота одна: качество неважно, лишь бы числомъ побольше! И на какую бы фракцію христіанства мы ни взглянули—вездѣ мы увидимъ то же. Будетъ ли то католичество, протестантство, греко-восточная русская церковь и даже за послѣднее время, старообрядчество. Всѣхъ фракцій христіанства я не перечисляю—это излишне, ибо суть остается всюду одна. Всѣ эти фракціи примѣняютъ всевозможные способы къ этому уловленію—и позволительные, и непозволительные, благородные и даже иногда позорные. Я оговорюсь: старообрядчество для этихъ цѣлей къ такимъ непозволительнымъ способамъ не прибѣгаетъ, къ какимъ прибѣгаютъ другіе, но тѣ способы, о которыхъ я собственно хочу говорить здѣсь, и за нимъ водятся. Это: пальцемъ ткнуть въ глаза сосѣду, показывая на безпорядки въ жизни общества-церкви сосѣда, или на зазорные поступки ея пастырей, и тщательно стараться скрывать недостатки жизни своего общества или поступки пастырей своихъ, а также: свое, хотя и худое, признавать за хорошее, а все чужое, иногда и хорошее, опорочивать. Многіе изъ нашей среды никакъ не рѣшаются разсматривать вещи какъ въ своей средѣ, такъ и въ средѣ внѣшнихъ, съ точки зрѣнія истинной Христовой правды, а не съ точки зрѣнія своей личной правды, правды групповой. Я не говорю о другихъ церквахъ, объ ихъ поступкахъ въ этомъ отношеніи, тамъ дѣло это обстоитъ еще хуже: тамъ завѣдомо бѣлое превращаютъ въ черное и черное убѣждаютъ признавать бѣлымъ. Тамъ въ этомъ отношеніи не церемонятся и потому пѣтухъ часто идетъ за зайца. Я не говорю о

нихъ потому, что мнѣ, пока что, мало до нихъ дѣла. Я говорю только о своемъ обществѣ, ибо оно мнѣ дороже иномыслящихъ, и зло въ средѣ его хочется искоренить въ первую очередь.

Когда появился журналъ „Старообрядческая Мысль“ и сталъ вскрывать и язвы своей общественной жизни, то люди, не привыкшіе къ этому, люди, привыкшіе къ самообольщенію своею мнимою красотою, мнимымъ совершенствомъ, мнимымъ „у насъ все обстоитъ благополучно“, страшно взволновались и даже до озлобленія разсердились на журналъ „Старообрядческая Мысль“. Имъ казалось порою, что журналъ этотъ даже не старообрядческій, а „провокакторскій“, т.-е. надѣвшій личину старообрядчества, чтобы подъ этою личиною удобнѣе сбивать съ толку старообрядцевъ. Но это были люди „слабые душою“, люди, съ молокомъ матери всосавшіе въ свое сознаніе понятіе, что мы прекрасны, умны и благородны, что наши поступки критики не терпятъ. Людямъ этимъ казалось, что открытые недостатки, недочеты общественной жизни погубятъ церковь, что эти обнаруженія—прекрасное оружіе для враговъ св. Христовой церкви, съ успѣхомъ могущее поражать насъ на публичныхъ диспутахъ. И это отчасти было вѣрно: миссіонеры господствующей церкви за эти указанія пороковъ членовъ церкви или недочетовъ нашей церковной жизни ухватились обѣими руками и стали ими колоть глаза нашимъ начетчикамъ на публичныхъ бесѣдахъ, а въ печати они развязно стали дѣлать изъ этихъ указаній широкіе выводы, развивая ихъ своею пылкой фантазіей до невозможнаго. Для душъ слабыхъ—это дѣйствительно былъ великій соблазнъ, а въ особенности онъ казался великимъ потому, что обнаруженіе этихъ недочетовъ церковной жизни явилось слишкомъ неожиданно, въ моментъ, когда къ этому даже начетчики не были подготовлены. Поэтому дѣло доходило даже до печально-смѣшного: иной начетчикъ, повстрѣчавшійся гдѣ-либо на публичной бесѣдѣ съ этой неожиданностью и, къ несчастію, не читавшій (по своей нуждѣ не выписываетъ) журнала, терялся и вмѣсто надлежащаго отпора миссіонеру начиналъ въ замѣшательствѣ отрекаться отъ журнала, увѣряя, что онъ даже и не старообрядческій. Начетчики приходили въ замѣшательство потому еще, что миссіонеры, какъ люди, не признающіе самой истины, а ищущіе лишь успѣха минуты, побѣды хотя на этотъ разъ, обычно искусно цитируютъ журналъ, гдѣ не договаривая, гдѣ передерживая, а гдѣ искажая основную мысль статьи... Простые же міряне иногда просто въ ужасъ приходили, въ особенности отъ миссіонерскихъ статей, появлявшихся въ разныхъ органахъ печати, которыми эти „ловкіе ловцы челоуѣковъ“ старательно и искусно снабжали простодушныхъ. Въ редакцію журнала посылались упреки, жалобы и даже угрозы съ требованіями не давать врагу оружія. Жалобы сопровождались приложеніями нѣкоторыхъ миссіонерскихъ статей. Соблазнъ былъ великій: трудно было стоять въ истинѣ и оставаться глухими къ этимъ воплямъ о пощадѣ. Но насъ спасла отъ паденія твердая увѣренность въ побѣдѣ истины надъ ложными страхами малодушныхъ

людей. Увѣренность, что только истина заслуживаетъ преклоненія, заставила насъ быть жестокими, оставивъ безъ вниманія жалобы малодушныхъ. А теперь мы рѣшили обратиться къ этимъ „слабымъ душою людямъ“ и со словомъ ободренія, ибо время настало къ тому. Время сдѣлало то, что уже многіе и безъ нашего увѣщанія оцѣнили наши обличенія пороковъ и недостатковъ общественной жизни, и потому намъ остается теперь только ободрить тѣхъ, которые все еще остаются малодушными, и они будутъ также тверды, какъ и мы, и стрѣлы враговъ будутъ отскакивать отъ нихъ, ничуть не рана ихъ душевнаго покоя.

Всѣмъ и каждому необходимо твердо установить, какое мѣсто занимаютъ въ церковной жизни: ученіе церкви, ея таинства и установленія вообще, а также и поведеніе членовъ церкви въ ихъ обыденной повседневной жизни. Ученіе церкви—это ученіе Христа о томъ совершенствѣ жизни человѣческаго общества, къ которому человечество должно неустанно и всемѣрно стремиться. Совершенство, указанное Христомъ, абсолютно (безконечно). Оно для человѣка съ его испорченной волей—страшно тяжело достижимо. Человѣкъ, какъ существо земное, ограниченное, страдающее слабостями, слишкомъ часто уклоняется съ дороги, ведущей къ достиженію совершенства, показаннаго Христомъ. И не только *уклоняется* въ сторону, но даже часто до того развращается, что идетъ не по направленію къ совершенству, хотя бы и кривой тропой, а даже совершенно обратно, по направленію *отъ совершенства*. Т.-е. не къ свѣту, а во тьму. Но это вовсе не значитъ, что отъ того погибъ идеаль (совершенство). Нѣтъ, пороченъ человѣкъ, а идеаль какъ былъ совершенство, такъ и останется имъ. Членъ церкви пороченъ, но церковь, хранящая чистое ученіе Христа, такъ и останется церковью чистою какъ голубица, святою и непорочною хранительницею истины. Вѣдь сказалъ же нѣкогда Христосъ народу о священникахъ: „они связываютъ бремена (вязанки) тяжелыя и неудобь носимыя, и возлагаютъ ихъ на рамена народа, а сами не хотятъ и перстомъ ихъ тронуть“ (Мѡ. XXIII, 4); и еще: „чему они васъ учатъ, то дѣлайте, а какъ они дѣлаютъ, такъ не поступайте“. (Мѡ. XXIII, 3). Это значило: учили они добру, а сами творили злое. Такъ и въ нашей жизни: если пастыри живутъ и зазорно, то это ихъ личный грѣхъ, и церковь отъ этого страдаетъ только страданіемъ болящаго члена но не утратою истины. Другое дѣло, когда церковь утратитъ истину, т.-е. когда всѣ ея пастыри и члены будутъ искажать ученіе І. Христа. Тогда уже все пропало. А членъ церкви сегодня заболѣвшій, завтра назидаемый, можетъ и оздоровѣть и стать весьма полезнымъ. Св. Павелъ говоритъ: „Каждо въ васъ да назидаетъ другъ друга“... Вотъ мы и назидаемъ, и не къ худому, а къ хорошему. Вѣдь Церковь, Церковь святая, непорочная, Церковь хранительница истиннаго ученія Христа во всей его полнотѣ, это несомнѣнно—только *одна наша св. Церковь старообрядствующая, пріемлющая старообрядческую іерархію*, и потому всѣмъ дорожающимъ своимъ спасеніемъ должно къ ней принадлежать,

и только къ ней, а что и у нея есть порочные члены, и пастыри, забывающіе иногда обязанности своего служенія, то это не причина къ тому, чтобы оставлять ее и бѣжать въ другую церковь. Да и куда?! Скажите, въ какой церкви пастыри всѣ, какъ одинъ, безплотные ангелы — и совершенны? Мы ниже покажемъ образцы пастырей всѣхъ христіанскихъ церквей, а теперь убѣжденно скажемъ: хотя въ средѣ нашихъ пастырей и мірянъ много людей порочныхъ и недостойныхъ, но если сравнить, то это — огромное меньшинство и по количеству и по качеству въ сравненіи съ пастырями и мірянами другихъ христіанскихъ церквей. И если бѣжать отъ нашихъ — то по пословицѣ: бѣжать отъ волка — нарваться на медвѣдя, а въ придачу получишь и ученіе церкви не истинное Христово, а искаженное, ученіе, не ведущее къ идеалу — совершенству, а уводящее отъ него иногда въ сторону, а иногда и прямо обратно. Такъ куда же итти? И кто — дерзкій, что събѣетъ сознательно вѣрующаго съ праваго пути? Будьте увѣрены — и никакія нападки съ указаніями порочности нѣкоторыхъ пастырей или недочетовъ или неблагоустройства церковной жизни не заставятъ васъ поколебаться въ спасительности церкви вашей.

Вотъ это убѣжденіе и должно царствовать въ душѣ сильныхъ волею людей. И оно царствуетъ. Приобщайтесь же всѣ къ этому царству — и оно будетъ несокрушимо.

Убѣдитесь окончательно, что пороки членовъ церкви суть грѣхи ихъ личные, а не самой церкви, пороки пастырей въ ихъ личной жизни суть ихъ личные грѣхи, а не церкви, злоупотребленія ихъ на посту своего служенія суть ихъ личныя злоупотребленія, извращенія ими ученія Христа суть ихъ преступленія, а не церкви. *Только тогда, когда всѣ пастыри соборно отъ лица всей церкви предложатъ ложное ученіе — ну тогда должно признать эту церковь падшею и выйти изъ нея.* Пороки же членовъ церкви, хотя и пастырей, только кладутъ пятно на чистую бѣлую одежду церкви, и чтобы очистить ее отъ этого пятна, необходимо „назидать каждо друга“, по евангелію „въ началѣ наединѣ, потомъ между свидѣтелями, а когда и это не дѣйствуетъ, тогда гласно, передъ всей церковью“. (Мф. XVIII. 15—17). Вотъ это-то и дѣлаетъ журналъ „Старообрядческая Мысль“. И дѣлать это положительно необходимо, ибо если этого не дѣлать, то жизнь людей, ихъ поступки, дойдутъ до крайности паденія, а съ ними падетъ и вся церковь. Если вы убѣдитесь, что обличеніе грѣховъ общественныхъ, т.-е. пороковъ, имѣющихъ значеніе общественное (частные, личные грѣхи никто не имѣетъ права обличать, — это дѣло души cadaго и его пастыря, назидающаго его втайнѣ), необходимо, и если вы убѣдитесь, что обличеніе этихъ пороковъ вовсе не позоритъ святости церкви, а есть стремленіе къ исправленію отъ пороковъ, очищенію отъ пятенъ на одеждѣ церкви, то тогда вамъ ничуть не страшны будутъ эти обличенія. Тогда вы отлично поймете, что эти обличенія не даютъ ни малѣйшаго оружія врагамъ церкви Христовой, ибо вы, сильный душою, на такіе уколы со

стороны враговъ церкви Христовой спокойно съ христіанской кротостью скажете:—Успокойтесь, это не польза для васъ, для насъ же не погибель, а прискорбіе только о порочности брата, которую мы христіански-заботливо стремимся устранить нашимъ обличеніемъ. Если же васъ это беспокоитъ, то по евангелію „врачу—исцѣлися самъ“: оглянись на себя, не найдешь ли что-либо похуже за членами церкви своей и, постыдившись, умолкни. А если тебѣ эти уколы достолюбезны, то не въ обиду, а въ назиданіе я тебѣ вотъ что укажу. И сказавъ такъ, покажите ему одинъ, два примѣра изъ жизни ихъ общества, или историческихъ, или современныхъ, что полезнѣе найдете, а за примѣрами далеко не надо ходить, ихъ подъ рукою сколько хочешь. И этого будетъ достаточно чтобы заустить врага.

Вотъ примѣры, которые могутъ пригодиться къ этому случаю, а также и убѣдить „слабыхъ душою“ въ томъ, что изъ нашей церкви бѣжать некуда.

„С.-Петербургскія Вѣдомости“ пишутъ:

„На Новой Землѣ монахи-миссіонеры считаются первыми пьяницами и первыми „бабниками“.

Изъ бесѣдъ съ самоѣдами удалось выяснитъ ихъ отрицательное отношеніе къ монахамъ-миссіонерамъ:

— Батюшки ницево, а монахи ни нада, дѣвку любятъ, бабу любятъ, проходу не даютъ, водка любятъ.

Такія слова приходилось слышать не отъ одного какого-нибудь самоѣда, а отъ большинства. Такъ же отзываются о монахахъ-миссіонерахъ и русскіе промышленники на Новой Землѣ.

— Какіе это попы! Имъ бы напиться да къ самоѣдкѣ смазливой подмазаться.

Такъ говорятъ о тѣхъ, кто посланъ научить самоѣдовъ грамотѣ, насадить въ ихъ темныя души свѣтъ Христова ученія, личнымъ примѣромъ и жизнью показать красоту его.

Неудивительно послѣ этого слышать изъ устъ самоѣдовъ:

— Батяка говоритъ три бога, каки таки бога, ня сняю, у мяня одинъ богъ, я ему вѣрю и отъ свояво не отойду и къ батякѣ хожу тоже, цево, меня не убудеть.

Чтобы не быть голословнымъ, скажу нѣсколько словъ о дѣятельности среди самоѣдовъ одного изъ миссіонеровъ-монаховъ, отца Нарциса, живущаго въ поселкѣ Кармакулахъ, гдѣ есть церковь. Вся его просвѣтительная работа заключается въ непрерывномъ пьянствѣ, во время котораго буйный нравъ его не знаетъ удержа—нерѣдко дѣло доходитъ до дракъ съ прихожанами—въ скупкѣ у самоѣдовъ за водку и за деньги—за безцѣнокъ—шкуръ и, главнымъ образомъ, въ похожденияхъ съ самоѣдками, ставшихъ притчею во языцѣхъ на Новой Землѣ. На Новую Землю о. Нарцисъ посланъ въ наказаніе.

Въ текущемъ году пріѣзжалъ на Новую Землю священникъ, коман-

дированный мѣстнымъ архіереемъ, смѣнить его, но о. Нарцисъ отказался ѣхать въ Архангельскъ, мотивируя свой отказъ словами: „Мнѣ и здѣсь хорошо“.

Картинка очень нехуда. А вотъ г-жа Тэффи въ „Русскомъ Словѣ“ говоритъ нѣчто и еще получше: „...Противный анекдотъ... Всѣ мои веселыя мысли оттѣснила одна, не веселая, не скучная, а какая-то ерундовая. Засѣла и сидитъ... Выудила я ее изъ газеты и называется она „Схимникъ“. Сказано было приблизительно такъ: „Монахъ *схимникъ* такого-то монастыря (название забыла) *убилъ изъ ревности бабу*“...

Вѣдь это нѣчто ужасное: монахъ... схимникъ... изъ ревности убилъ бабу... Что же можетъ быть ужаснѣе сего?.. И это вотъ только что совершилось, у насъ на глазахъ, такъ сказать! Это повседневщина... Обыденщина. И если хотите, я вамъ такихъ примѣровъ сотни покажу, а хотите тысячи. Но не надо думать, что это служить къ обличенію церкви господствующей, нѣтъ, это только бытовыя явленія, порочность членовъ этой церкви, а не ея самой.

Такъ это и надо понимать.

А вотъ члены церкви католической:

„...Знаменитый Ясногорскій монастырь, который фигурировалъ уже однажды въ процессѣ монаха Мацоха, *убившаго своего соперника по дѣламъ любовной авантюры*, теперь вновь выступаетъ на сцену.

Монастырь это—знаменитый. Онъ пользуется одинаковымъ уваженіемъ какъ со стороны католиковъ, такъ и со стороны мѣстнаго православнаго населенія. Къ нему громадными толпами собираются богомольцы. Они приносятъ богатые дары въ монастырскую казну, потому что даже изъ ежедневныхъ грошей десятковъ тысячъ богомольцевъ легко и скоро составляются тысячи и десятки тысячъ рублей въ монастырской кассѣ. Монастырь имѣетъ давнюю вѣковую славу. Его святость ничѣмъ не была до сихъ поръ нарушена. Его слава, проходя вѣками, создала ему высочайшее молитвенное благоговѣйное уваженіе.

Ясногорскій монастырь—это въ нѣкоторомъ родѣ центръ религіозной жизни Царства Польскаго. Въ немъ сосредоточивается вѣра массъ. Въ немъ живутъ и главные дѣятели католическаго монашества, пресловутые отцы іезуиты, хотя номинально запрещенные въ Россіи, но реально вездѣ во всѣхъ католическихъ монастыряхъ играющіе главную преобладающую роль.

Послѣ дѣла монаха Мацоха, убившаго своего соперника по дѣламъ любовнымъ въ стѣнахъ монастыря, въ своей собственной кельѣ, выяснились нѣкоторыя подробности жизни Ясногорья, далеко неблагоприятныя для святаго реномэ этого мѣста.

Выяснилось, что *монахи ведутъ образъ жизни болѣе чѣмъ свѣтскій*. Служба службой, притворныя христіанскія проповѣди проповѣдью, а *на дѣлѣ каждый монахъ имѣлъ свою любовницу*. Каждый монахъ обла-

далъ достаточнымъ количествомъ средствъ, чтобы жить богато и весело. Каждый монахъ имѣлъ полную возможность обращать свою набожную келью въ отдѣльный кабинетъ кафе-шантана и приглашать въ него сколько угодно легко доступныхъ и падкихъ на деньги молодыхъ женщинъ.

И вотъ процессъ Мацоха заставилъ судебнo-слѣдственныя власти обратить вниманіе на дѣла Ясногорскаго монастыря вообще. Конечно, разъ дѣло идетъ о католическомъ учрежденіи, то всѣ тонкія и деликатныя соображенія были отброшены. Это не православный монастырь, куда русская судебнo-слѣдственная власть обычно не вмѣшивается. Католическій монастырь сдѣлался предметомъ самаго строгаго внимательнаго разслѣдованія, и, конечно, это разслѣдованіе выяснило, что въ немъ далеко не ангелы живутъ и ведутъ эти не ангелы образъ жизни *весьма грѣшный, хотя изумительно веселый, жизнерадостный, точно по рецепту героев Боккаччіо.*

По отношенію къ католическому монастырю власть сдѣлала то, что она была обязана сдѣлать по закону, но чего она не дѣлаетъ по отношенію къ православнымъ монастырямъ, т.-е. изслѣдовала всѣ обстоятельства дѣла совершенно безпристрастно, допросила цѣлыхъ двѣ сотни свидѣтелей и выяснила картину монастырской жизни очень подробно и интересно, не только съ точки зрѣнія уловленія преступниковъ въ сѣти уложенія о наказаніяхъ, но и съ точки зрѣнія бытовой.

Оказалось, что ясногорскіе монахи—это какіе-то не унывающіе юноши, жизнерадостные, восторженныя, влюбленные въ жизнь и понимающіе ея толкъ, т.-е. толкъ въ ея радостяхъ, какъ разъ монахамъ и запрещенныхъ, т.-е. въ женщинахъ, винѣ и пѣснѣ.

Ясногорскіе монахи, видъ которыхъ во время служенія въ церкви заставлялъ дрожать вѣрующія сердца, до такой степени эти монахи были внѣшне набожны, благочестивы и чисты сердцемъ, тѣломъ и духомъ,—на самомъ дѣлѣ были милыми весельчаками, которые обратили свой монастырь въ домъ свиданій. Сюда являлись двѣицы и дамы всякаго званія, титула и общественнаго положенія. Но всѣ онѣ одинаково находили ласковую встрѣчу, обиліе вина и достаточное количество денегъ. Понятно, что монастырь былъ всегда оживленъ. Всегда здѣсь горѣли весело ночные огни, раздавалась пѣсня, женскій визгъ и звуки поцѣлуевъ.

Все это стоило громадныхъ денегъ. И откуда же брала ихъ братія?

Да оттуда же, откуда бралъ и веселый монахъ Мацохъ—убійца. Изъ „скарбчика“.

Изъ общей монастырской кассы, согласно устава монастыря, казначей могъ выдавать каждому монаху не свыше 25 рублей. А такъ какъ уставъ не ограничивалъ эту выдачу и не упоминалъ о томъ, что 25-рублевая субсидія могла производиться лишь разъ, то монахи неоднократно

получали по нѣскольку субсидій въ день на предметъ веселаго времяпровожденія.

Монастырь къ тому же покупалъ на свои средства громадное количество водокъ, винъ и пива и выдавалъ ихъ монахамъ. Такимъ образомъ, оставались только расходы на женщинъ, каковыя и погашались субсидіями изъ „скарбчика“.

Все это обнаружилось только теперь, когда слѣдствіе коснулось всѣхъ дѣлъ святого Ясногорскаго монастыря и, въ частности, образа дѣйствій пріора Реймана. Этотъ Рейманъ, какъ выясняется теперь, былъ игрушкой въ рукахъ монаховъ. *Самъ преступный растратчикъ, онъ боялся монаховъ и ихъ обличеній и потому смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ монашескія вольности, тѣмъ болѣе, что и самъ былъ не прочь участвовать въ оргіяхъ.* Пріоръ Рейманъ распоряжался монастырской кассой и раздавалъ деньги монахамъ на цѣли разврата. Пріоръ допускалъ въ монастырѣ все, что было угодно монахамъ. *Святое мѣсто обратилось въ распутный домъ.* Пріоръ молчалъ... *Онъ боялся разоблаченій о себѣ.*

А когда какой-нибудь монахъ переходилъ всѣ границы и слишкомъ проявлялъ свое безпутство, то пріоръ, рѣшившійся сдѣлать замѣчаніе, нарывался на дерзость и угрозы и старался затѣмъ замять свои замѣчанія. А наиболѣе наглыхъ тотчасъ же повышалъ въ чинѣ, чтобы не имѣть въ ихъ лицѣ новыхъ враговъ.

А вѣдь Ясногорскій монастырь это величайшая святыня поляковъ. Это средоточіе благочестія Царства Польскаго. Это центръ религіозной жизни края. Это предметъ самага восторженнаго культа.“ („Ран. Утро“).

Ужъ кажется лучше этой картины трудно что-либо подобрать, но пожалуй и она блѣдна покажется, если читатель достанетъ № 8 журнала „Старообрядческая Мысль“ за 1910 г. и тамъ на стр. 497—8 прочтетъ кое-что и о подвигахъ „святѣйшихъ“ папъ.

Но и это въ сущности не есть обвиненіе противъ римской церкви вообще. Это порочность членовъ ея. Не больше!

Теперь возьмемте членовъ церкви протестантской. Вотъ картинка, взятая на-угадъ изъ газетной хроники („Ран. Утр.“):

„Въ свое время мы сообщали объ ужасномъ преступленіи, совершенномъ въ Нью-Йоркѣ пасторомъ Гансомъ Шмидтомъ. *Пасторъ убилъ двѣдушку, любившую его, изрѣзалъ тѣло своей жертвы въ куски и выбросилъ ихъ въ Гудсонову рѣку.*

Нью-іоркскія газеты сообщаютъ потрясающія подробности, раскрытыя слѣдствіемъ по этому дѣлу.

Судебному слѣдователю Шмидтъ давалъ свои показанія съ полнымъ спокойствіемъ, тщательно обдумывая ихъ. Онъ увѣрялъ, что съ давнихъ поръ уже ему представлялись различнаго рода „видѣнія“. Такъ, его „навѣщала“ св. Елисавета, объяснявшая ему, что онъ долженъ принести въ

жертвѣ ту особу, которую онъ любить. И эта жертва будетъ еще болѣе угодной Богу, если онъ напьется крови убитой имъ женщины.

Такъ же спокойно передавалъ Шмидтъ подробности самаго убійства. Анну Аумюллеръ,—такъ звали убитую имъ дѣвушку,—онъ оглушилъ ударомъ молотка. Затѣмъ ножомъ и маленькой пилой раздѣлилъ ея трупъ на части. Когда онъ сръзалъ грудь убитой, то полилась обильной струей кровь и Шмидтъ жадно пилъ ее...

Дальнѣйшія однако показанія Шмидта становятся сбивчивыми и противорѣчивыми. Совершенно неожиданно онъ начинаетъ выдвигать другой мотивъ, побудившій его совершить преступленіе: „Анна должна была стать матерью,—показываетъ Шмидтъ,—я не могъ допустить, чтобы это случилось, такъ какъ это причинило бы мнѣ слишкомъ много хлопотъ. Нужно было такъ или иначе избавиться отъ нея“.

Но на ряду съ этимъ Шмидтъ увѣряетъ, что онъ вообще хотѣлъ перерѣзать всѣхъ калѣкъ въ своемъ кварталѣ, чтобы избавить ихъ отъ страданій...

...Существуютъ основанія предполагать, что Анна Аумюллеръ была не единственной жертвой Шмидта. Поэтому полиція дѣятельно продолжаетъ изслѣдованіе всей прошлой жизни и дѣятельности этого ужаснаго пастора. Въ настоящее время уже установлено, что эта дѣятельность изобиловала весьма тяжелыми преступленіями. Шмидтъ занимался подлогами, изготовленіемъ фальшивыхъ бумажныхъ денегъ, непозволительными гинекологическими операціями и другими дѣлами столь же преступнаго характера.

Въ 1908 году онъ былъ арестованъ въ Баваріи и привлеченъ къ отвѣтственности за совершеніе подлоговъ, но его признали невмѣняемымъ и освободили“.

Не худа, конечно, и эта картинка. Но и здѣсь не будемъ осуждать все протестантство, а отнесемъ это за счетъ порочныхъ людей. Будемъ справедливы, не будемъ колоть пальцемъ глаза ближняго, а признаемъ, что такой грязи, а иногда еще и почище, и у насъ иногда не оберешься. Припомнимъ на одну минуту похождения бывшаго епископа Сергія минусинскаго и другихъ, а про безпоповцевъ и говорить не стоитъ: у насъ есть дивные рассказы про похождения ихъ высшихъ руководителей и намъ еще предстоитъ ихъ напечатать, такъ тогда читатель самъ увидитъ, что это за похождения, и дастъ имъ надлежащую оцѣнку.

Такимъ образомъ можно бы безъ конца набирать эти примѣры, но это излишне; и изъ приведенныхъ уже съ достаточною убѣдительною можно признать, что никто никого и никогда не можетъ упрекнуть поведеніемъ пастырей, ибо обратно получить то же. И придется молчать. Только люди, не могущіе оглянуться на себя, позволяютъ себѣ это. Послѣ сего ясно, что указанія на порочность пастырей могутъ смутить только людей съ слабой душой, людей невѣжественныхъ.

Какой же выводъ отсюда? Выводъ тотъ: не будемъ издѣваться надъ другими церквами, показывая пальцемъ на позорное иногда поведеніе членовъ ихъ, а займемся самоусовершенствованіемъ, улучшеніемъ жизни церкви своей, будемъ обличать и искоренять порочность своихъ собратій, чтобы явить потомъ всему міру высокій образецъ христіанизированнаго общества. И если это намъ удастся, тогда всѣ сами собою преклонятся предъ нами и въ силу необходимости признаютъ нашу правоту. Намъ не придется неправдой завлекать къ себѣ послѣдователей. Они добровольно сами придутъ и будутъ упрашивать принять ихъ въ наше общество.

Къ этой-то именно цѣли и стремится журналъ „Старообрядческая Мысль“. Онъ бичуетъ пороки недостойныхъ людей, хотя бы то были и пастыри; онъ указываетъ недостатки общественной жизни, недочеты пастырскаго управленія, но отнюдь не въ цѣляхъ кого-либо опозорить, отнюдь не для того, чтобы „поиздѣваться надъ отцомъ подобно Хаму“, въ чемъ насъ обвинялъ соборъ 1912 года въ своемъ „пастырскомъ увѣщаніи“. Нѣтъ, отнюдь нѣтъ, только съ единственной цѣлью—улучшить жизнь нашего общества, дабы никто потомъ не могъ показать на него пальцемъ, какъ это возможно дѣлать теперь.

И надо объявить, что мы далеко не о всемъ говоримъ, о чемъ намъ становится извѣстнымъ: бываютъ сообщенія о такихъ вещахъ, о которыхъ нѣтъ возможности говорить. Даже такъ: мы печатаемъ только о томъ, что поневолѣ приходится оглашать, апеллируя къ мнѣнію общества, ибо прежде всего мы стараемся уладить вопросъ внутренними мѣрами. Это могутъ подтвердить многіе и епископы, на распоряженіе которыхъ мы отсылаемъ сообщаемые намъ факты, прежде чѣмъ печатать ихъ.

Мы печатаемъ также и о внѣшнихъ часто для нихъ неприятныхъ вещи, но и тамъ мы это дѣлаемъ не въ цѣляхъ подорвать авторитетъ ихъ церковей или издѣваться надъ ними, а просто въ цѣляхъ указанія—для тѣхъ же исправленій. Мы вѣримъ, что ученіе Христа одно, и разъ люди называютъ себя христіанами, стало-быть, они обязаны и въ жизни быть таковыми. По нашей вѣрѣ весь міръ долженъ быть христіанизованъ—и мы считаемъ себя обязанными помогать водворенію въ людяхъ христіанизации.

Итакъ поймите наши задачи и пойдите вмѣстѣ путемъ назиданія другъ друга, назиданія любовнаго, а не съ злобою и раздраженіемъ. Будемъ гласно обличать пороки, но общественные только, а не частные, будемъ отмѣчать и заслуги людей достойныхъ, а не льстить, угождая передъ сильными міра сего, и, наконецъ, будемте сильны духомъ и не будемъ страшиться попрековъ внѣшнихъ, по необдуманности имѣющихъ слабость ссылаться на наши обличенія.

Главное—давайте самосовершенствоваться.

Н. Зенинъ.